

25 января 2013 года, в Общественной центре и музее имени А.Д. Сахарова, в день годовщины смерти Валерия Абрамкина «Центр содействия реформе уголовного правосудия» провел Вечер его памяти.

Мы благодарны международному фонду Front Line Defenders за оказанную финансовую поддержку, которая позволила собрать в этот день соратников и коллег Валерия Абрамкина, почтить его память и поделиться своими мыслями о прошлом и будущем правозащитного сообщества и российской Тюрьмы, гуманизации которой Абрамкин посвятил почти тридцать лет своей жизни. **Диссидент, бывший политзаключенный и правозащитник, он создал общественный Центр «Содействие», радиопередачу для заключенных «Облака», написал книгу-пособие «Как выжить в советской тюрьме»** и много разных статей по реформе тюрьмы и системе уголовного правосудия. Прошел год после его смерти, и память о нем не потускнела.

Наталья Дзядко (Центр содействия реформе уголовного правосудия). «Всем привет» - говорил Абрамкин, здороваясь и прощаясь в своей радиопередаче «Облака». Год его нет. Мы учимся делать передачу и жить без него. И сегодня вечер его памяти. Спасибо всем, кто пришел, спасибо Сахаровскому центру. Спасибо всем, кто дал материалы, и спасибо Абрамкину.

Зоя Светова (журналист, правозащитник), ведущая вечера, приветствовав всех, отметила, что в зале много людей, которые продолжают заниматься помощью заключенным: **«Мы все вышли из «шинели Абрамкина» и все мы благодарны Абрамкину за то, что он нас научил тому, что такое тюрьма, тому, что такое заключенные и как им возможно помогать».**

Андрей Бабушкин (Комитет за гражданские права). Я тогда был совсем молодым пацаном с депутатским значком. Мне казалось, что я все знаю, все понимаю, и я возглавил комиссию Моссовета по делам спецучреждений.

Это был март или апрель 1990 года, когда приходит такой человек с бородой, и я понимал, что он старше меня, и он начинает говорить про тюрьму такие вещи, которые я не могу даже себе представить. Когда я это услышал, я ему не поверил. Подумал, что он сгущает, драматизирует.

Мои первые несколько лет знакомства с тюрьмой - это был однообразный процесс. Я приходил в камеры, приходил в коридоры, приходил в карцеры (в Москве нет колоний, есть только СИЗО) и каждый раз с огромным удивлением для себя я обнаруживал, что все, то о чем мне рассказывал Валерий Федорович Абрамкин – это правда, это на самом деле так. Что на эту камеру, на этого заключенного, на эту шконку, на эту решетку можно смотреть с разных позиций: отсюда, отсюда и отсюда. Со стороны потерпевшего, со стороны другого зека, со стороны тюремщика, со стороны депутата, со стороны

государственного чиновника. Есть десятки разных взглядов, и взгляд, который мне привил Валерий Абрамкин – он самый правильный, он самый адекватный, он самый верный и именно этот взгляд позволяет увидеть часть тюремной действительности таким образом, чтобы тюрьма не повторилась в жизни и душе того человека, который передо мной предстал. Его взгляд позволяет сделать так, что этот человек, помня про тюрьму, не пытался бы на свободе воспроизвести тюремный мир и попасться обратно.

Хотел бы прочесть стихотворение, которое я написал сегодня:

Памяти Валерия Абрамкина

Взрывая привычные рамки,
Как яркий фонарик во тьме,
С народом Валерий Абрамкин
Спешит говорить о тюрьме.

Народу же неинтересен
Тюремный скукоженный быт.
Народ хочет танцев и песен,
Народ хочет пьян быть и сыт,

Народ полагает беспечно
Что тот, за кем лязгнула дверь,
Из жизни исчеркнут навечно,
Став цифрой безгласных потерь.

Народ жаждет ярких улыбок,
Страшат его горе и плач.
И в сонмы судебных ошибок
Не верят ни пахарь, ни врач.

Пусть этот похоже на чудо,
Но только увидели мы:
До самого разного люда
Донес он стон русской тюрьмы.

Кто тянет тюремную лямку,
В душе чьей тюремный барак,
Тот знает: Валерий Абрамкин
Сломал в наших душах ГУЛАГ.

Катя Абрамкина. Я прочту письмо Виктора Сорокина, которое называется:

Выдави из себя раба!

Прежде всего я выражаю свое восхищение
каждым, кто находится в этом зале.

Истинная величина человека определяется тем,
каким добрым делам он научил других людей. А меня

Валера Абрамкин научил самой важной вещи на свете: внутренней свободе.

На мой взгляд, именно за пропаганду естественного права человека быть свободным и не бояться преступной власти антинародные правительства объявляют правозащитников главными врагами государства и народа. И именно за действенный пример достойной и свободной личности тюремный срок Валерию Абрамкину был удвоен. Пример, который освободил от СТРАХА и меня.

Осенью 1979 года мы с Валерой и еще с двумя ребятами решили подзаработать на сборе и продаже клюквы. Свою долю мы с Валерой продавали на рынке в Пушкино. Однажды я остался дома, а Соня пошла посмотреть, как там у Валеры идет продажа. И вот подойдя к воротам рынка, она видит такую сцену:

Пожилая женщина подошла к Валере прицениться, а узнав цену, пошла прочь.

– Куда же вы, мамаша, – окликнул ее Валера. – Идите сюда, я вам так дам! – И насыпал ей в пакет два стакана бордовых ягод.

Валера был неисправимым правозащитником. Находясь в Бутырской тюрьме, он оказывал правовую помощь всем сокамерникам. Он помог им составить десятки юридически грамотно оформленных жалоб на избиения их надзирателями, на фальсификации уголовных дел, на лишения заключенных законного права на медицинское обслуживание и т.д. И представьте себе, этот связанный по рукам и ногам человек поставил на уши и заставил, возможно, впервые в истории, всю администрацию Бутырской тюрьмы исполнять свои обязанности! Годовой срок пребывания Валеры в Бутырке заслуживает самого тщательного изучения как уникальный пример исполнения гражданского долга перед своим народом. Это исследование явилось бы достойным памятником величайшему из правозащитников.

Зоя. Светова. О своей встрече с Валерой и о своих впечатлениях расскажет Людмила Ивановна Тропина, полковник милиции в отставке. Мы сейчас все время говорим о том, что Абрамкин защищал заключенных, что он боролся за их права, но самая удивительная вещь, что Абрамкин защищал и сотрудников ФСИН, права тюремщиков, он находил общий язык со всеми, даже с полковником милиции.

Тропина Людмила Ивановна. С Валерой нас объединяла какая-то трепетная дружба. Причем поначалу достаточно странная. Поскольку я была ментом. В этот период, когда мы познакомились, я возглавляла подразделение по делам несовершеннолетних ГУВД Московской области. 90-ые годы были достаточно сложные в плане криминальной обстановки, в плане активизации правозащитников. И в среде милицейской, зачастую, начальство реагировало: вот эти правозащитники... они... и так далее.

Мне всегда хотелось дойти до самой сути, может быть потому, что я сама по натуре правозащитник. Когда мы познакомились, я была сначала насторожена: что это за человек? Но он как-то «очеловечивал» нас. Он говорил о жизни подростков, о причинах и условиях, о том, как надо смотреть с другой стороны на помощь этим подросткам. И я всегда прислушивалась к тому, что говорил Валера, и была на выставке, которая была в Политехническом музее. Он приглашал меня и на передачу «Облака». Прислушивался к

тому, что я говорю, к моим каким-то наблюдениям. Когда идет такое единение, то это очень важно, когда люди прислушиваются друг к другу.

Все что он делал, было ради дела, а не ради позы. Мне кажется, что он является образцом для правозащитников и для нового поколения правозащитников, который будет. И я думаю, что мы будем, продолжая свою работу, внутри быть правозащитником, сверять свои шаги по нему. Задавать ему вопросы, на которые он будет отвечать.

Виталий Найшуль (*Институт национальной модели экономики*). Валерий Федорович был человеком совершенно удивительного государственного ума и человеком, наверное, одним из немногих, а может быть единственным, который понимал что такое право в нашей стране. Он понимал, что это не то что на бумажках написано, а то, что соотносится с внутренними представлениями людей о справедливости.

Как-то он рассказывал, что, попавши в тюрьму, никак не мог объяснить сокамерникам, за что он сидит. Он говорит: защита человека, Конституция и что-то еще такое. Они его не понимали. Но потом сделали вывод, просуммировав его разговоры – сидит за правду. И это понимание права как правды, жить по этой правде, стараться, чтобы все было по правде, и при этом быть необычайно творческим человеком. В смысле того, как должна быть устроена правовая система, в смысле того, что надо делать, как реформировать, как не реформировать. Мне кажется, что он был необычайно ярким мыслителем.

Валерий Федорович – человек, вошедший в историю России, тем более в те вопросы, которыми он занимался – криминологию. Нам выпало счастье быть с ним знакомыми, воодушевляться близостью с таким выдающимся человеком.

Елена Санникова (*Мемориал*). До правозащитной деятельности, до журнала «Поиск» Валера был душой любой компании, вокруг него всегда было полно молодежи. Он был одним из организаторов КСП. И я помню эти слеты КСП, столько людей, столько радости и такое замечательное общение. И кто организатор – им был Валерий.

Он был жизнерадостным человеком, он умел организовать людей, организовать ради общения, ради радости, для того, чтобы злу добром противостоять – добром и единением, общением. «Возьмемся за руки, друзья» – это было Абрамкинское.

Мы были школьники. И друг другу хвастались знакомством с Валерием Абрамкиным. Он для нас был необыкновенный авторитетом.

Зоя Светова. Очень важно вспомнить о том наследии, которое Валера Абрамкин оставил нам всем. Я имею ввиду не только его правозащитное наследие, а те замечательные тексты: его прозу, его стихи. Отрывки из этих пронзительных текстов читают замечательные артисты Театра.doc **Анастасия Патлай** и **Григорий Перель**.

«Бутырские лоскутки».

«... Так и осядет в моей памяти наш прощальный день чистым, с чуть размытыми границами, за пределами которых останутся лишние люди, лишние подробности, а чужие голоса растворятся в потоке пустых звуков: шуме улицы, шарканье соседа, хлопанье дверей, однотонном голосе теледиктора из

комнаты напротив, гаммах застенной девочки, карканье голодных ворон.

Я курю на кухне у приоткрытой двери балкона и наблюдаю, как ты хлопчешь над обедом. Господи, никогда раньше не догадывался, какое это блаженство: никуда не спеша, не отвлекаясь на «дела», просто стоять и смотреть, как любимая священнодействует на кухне...

Впереди: бессчетные похожие друг на друга дни, разбавленные разговорами с сокамерниками, книгами, стуком костяшек домино, тюремная, без запаха хлеба, пайка... Но это «впереди» – как гвоздь в подошве, если стоишь, не беспокоит. А я стою и никуда не тороплюсь, пока кудесник Хронос готовит напиток из целительных мгновений. Я курю на кухне у приоткрытой двери балкончика и смотрю, как ты хлопчешь над обедом,

запоминаю... Нет, все само запоминается, складывается в «чистую картинку с размытыми краями»: каждое твое движение, каждый жест, случайно брошенный взгляд, улыбка...

– Они тебя заберут? – спрашиваешь ты, и я губами чувствую, как тревожно дрогнули твои пальцы. – А может быть? – и надежда звучит в твоём голосе...

Суд по делу Валерия Абрамкина начался 1 октября 1980 года. Проходил он в здании Мосгорсуда по адресу Каланчевская улица, дом 43. Сейчас в этом здании Мещанский районный суд. Приговор: 3 года лишения свободы был вынесен 4 октября.

Дорожные лоскутки», июль 83-го, новосибирская тюрьма: «...Нас гонят по подземному коридору, соединяющему этапку с баней. Лай овчарок и отрывистые в тон собачьему лаю команды: – Не-отст-вай-жи-вей-стяги-вай-бля-фье-со...

Рефреном выхлесты-хлопки дубинок, каратистские “йааа-ха-йаа...” ментов и приглушенным эхом зековское: “аааа...”. Бьют тех, кто притормозился, чтобы подобрать оброненную тряпку или пачку махорки, бьют тех, кто не выдержал темпа и отстал от впереди бегущего, бьют последних. По голове, по хребтине, по ребрам, по почкам...

Я все забыл: кто я? где? Я забыл волю, мне не вспомнить имени любимой женщины, глаза мои залубенели и язык не вымолвит человеческого слова...

Декабрь 1992 года. «...Для меня демократическое движение не сводилось просто к борьбе за права человека. Это борьба за расширение поля трагедийных ситуаций, за духовное возрождение нации, очищение. Когда в середине 70-х годов я включился в правозащитное движение, у меня было представление, что это возможность возвращения трагедийных ситуаций в России, где десятилетиями трагедийность приглушалась, ликвидировалась.

Трагедия всегда предполагает возможность выбора. Выбора между добром и злом. За выбор ты платишь: или смертью, страданиями (за добро), или своей душой (за зло), приобретая жизненные блага, делая карьеру и тому подобное. А если выбора нет, нет и трагедийной ситуации. Возьмите, к примеру, бухаринский процесс. Какой там был выбор?

Или историю с Вавиловым... А демократическое движение 60–70-х годов начало формировать трагедийность, создавая возможность выбора для человека, для каждого из нас... И от нас зависело расширение области трагедийных ситуаций. Я свободно выбираю – это как бы дает пример другому, и он тоже свободно выбирает. И так, путем расширения поля трагедийности мы как бы открываем возможность катарсиса для всех.

...Я вышел на свободу с ощущением потока хаоса, который все больше захватывает нашу жизнь. ...

Я вышел будто другой человек. ...И сейчас, когда я читаю прежние письма свои... или, скажем, «Бутырские лоскутки», которые писал в 1980 году, в тюрьме, вижу: это не я теперешний. Я их читаю как посторонний читатель. У меня совершенно ясное ощущение, что я не имею права подписывать одной и той же фамилией свои «Бутырские лоскутки» и то, что я теперь пишу, – не потому, что я чего-то боюсь. Я уже ничего не боюсь. У меня осталось ощущение долга перед человеком, который там умер, и этот долг я должен выполнить – хотя, в принципе, это долг перед другим человеком.

...Я чувствую, что я не должен бороться со злом, а должен служить равновесию. ...Выжить в борьбе со злом я уже не могу. Значит, я должен с ним жить в каком-то равновесии... И то, чем я сейчас живу внутренне, – попытка этот способ жизни найти...»

Валентина Мельникова (*Комитет солдатских матерей*). С Валерой я познакомилась в 1990 году, когда появилась идея создать из тех уцелевших правозащитных организаций Центр по правам человека.

Что меня восхищает до сих пор в Валерии Абрамкине. Он никогда не унывал, он всегда умел даже самую страшную историю, самую страшную фотографию представить в таком виде, что она вызывала не ужас, а мотивацию к действию.

Я считаю, еще одна гениальная способность Валеры – это заставить людей почувствовать себя на месте тех, о ком он заботился и беспокоился. Например, для нашей организации был пример, как заставить зарубежные структуры, межправительственные организации ужаснуться тому, что происходит в России и давить на нашу страшную тюремную систему.

К Абрамкину всегда можно было прийти, попросить о помощи, спросить совета и всегда Валера спокойно и оптимистично говорил, что все будет хорошо, всегда давал какой-то полезный совет и что-то такое рассказывал, что позволяло сообразить, что все будет хорошо. Конечно, не хватает его уверенности и спокойствия. Он сделал огромную работу по называнию наших тюрем тем, что они есть. Это должно быть очень важно – изменить представление людей, заставить людей не смиряться с тем кошмаром, который там происходил. Я думаю, что сейчас именно такое время, когда Валерин опыт и его идеи будут очень важны.

Заслуга Валеры Абрамкина и в том, что существует передача «Облака» на радио, существует движение людей, которые готовы помогать заключенным, готовы поменять эту систему – это заслуга Валеры.

Любовь Виноградова (*Российский исследовательский центр по правам человека*).

Это был человек государственного ума - это способность представить любую проблему как

проблему государственную, причем не просто обозначить ее. Еще одна из очень важных заслуг Валерия Федоровича – это поднятие проблемы туберкулеза в российских тюрьмах. Страшная проблема, и в значительной мере благодаря его деятельности удалось с ней справиться.

Прошел год со дня смерти Валерия Абрамкина – достаточно большой срок. Это время когда кончается траур, когда уходит первая острая боль от потери. Это время, за которое можно осознать, что же за человека мы потеряли, осознать его значимость и его какие-то дела и свершения.

Я думаю, что мы должны позаботиться о том, чтобы память о Валерии Федоровиче жила в нашем правозащитном движении. Во-первых, с моей точки зрения, организация которую он создал – Центр содействия реформе уголовного правосудия – должна носить его имя. Это должен быть Центр содействия реформе уголовного правосудия имени Валерия Абрамкина. Чтобы все знали, кто начал эту деятельность и благодаря кому это продолжается и развивается.

И второе. Наш дом в Лучников переулке – Российский исследовательский центр по правам человека – тоже должен иметь на своей стене мемориальную доску. У нас есть уже одна доска. Это доска памяти Юрия Ивановича Киселева, тоже очень известного правозащитника, который сам был инвалид. Я помню, как он в тележке без двух ног поднимался на второй этаж в организацию, которую он тогда создал – по защите и помощи инвалидам. И сотрудники его организации с нашей помощью добились, чтобы на здании была установлена мемориальная доска. Это было трудно, но осуществимо. Я думаю, что и сейчас мы могли бы обратиться к московскому правительству, чтобы на Лучниковом переулке, 4 появилась мемориальная доска в память действительно о великом правозащитнике и человеке который очень много сделал для того, чтобы наши российские тюрьмы изменили свой облик.

Лев Левинсон (*Институт прав человека*).

Его беспокоило не только как они сидят, но и нужно ли это.

Сегодня по всей стране действуют Общественные наблюдательные комиссии. Сотни, а с учетом ротации, тысячи членов этих комиссий – тысячи правозащитников – посещают СИЗО и колонии. Наверное, можно сказать, что эти места стали сегодня более открытыми, чем они были, когда и Валерия Федоровича Абрамкина не всегда туда пускали.

Но Валерий Федорович видел ситуацию намного шире. Как, почему и для чего государство лишает людей свободы? Нужно ли стране столько заключенных? Влияет ли рост или сокращение тюремного населения на преступность? Случится ли катастрофа, если число заключенных уменьшится вдвое, втрое или в десять раз?

Именно эти вопросы определяли направленность трудов Абрамкина. Поэтому, например, одна из его книг, изданная еще в 1996 году, «В поиске выхода» имеет подзаголовок «Преступность, уголовная политика и места заключения». Поэтому и его

организация называется «Центром содействия реформе уголовного правосудия». На этой стезе им было не только сформулировано, но и достигнуто очень многое.

Реформа и гуманизация Уголовного кодекса, осуществленные с принятием федеральных законов от 9 марта 2001 года и 8 декабря 2003 года – это прежде всего заслуга Валерия Федоровича. Это было медленное преодолевающее сопротивление, упорное поступательное движение. И в основном благодаря этому, и Валерию Федоровичу в первую очередь, заключенных в России по сравнению с 2000-м годом стало на сегодня на 300 тысяч меньше.

Но радоваться сегодня особенно не приходится. Потому что в последние годы уголовное законодательство вновь планомерно ужесточается. И дело даже не в этом, главное – над чем, чтя его память, нам еще предстоит работать, – это инквизиционный уголовный процесс и отсутствие законных инструментов предотвращения фальсификаций и пыток. Последнее напрямую связано с законом об общественном контроле в местах принудительного содержания, который в окончательной редакции потерял по сути дела контроль над помещениями, где содержатся заключенные, где происходят пытки.

Это наследие Валерия Федоровича, его широкое видение уголовной реформы, нам надо, работая по защите прав заключенных, не забывать.

Людмила Альперн (*Центр содействия реформе уголовного правосудия*). Сейчас мы знаем, что только официальных людей, которые поступили в общественные наблюдательные комиссии, около тысячи. Эти люди ходят по тюрьмам и, кажется, что они начали какое-то новое дело. Вместе с тем они делают и говорят то, что делал и говорил Абрамкин. Это огромная масса людей, которая ходит в тюрьмы, задает вопросы заключенным, которые пишут отчеты, посылают их в ведомства, независимо от того, насколько они проникнуты страданиями заключенных. Они это делают. С другой стороны Валерий Федорович подарил нам язык, которым мы можем описывать то, что мы видим в тюрьмах. Он подарил нам смыслы, которые мы включаем в свое мышление для того, чтобы понимать, что происходит с заключенными. Не все из нас прошли через тюремные казематы в качестве заключенных. Внешним людям трудно понять, что там происходит и что чувствуют заключенные, через что им приходится переступать в своей жизни и в каком состоянии они оттуда выходят. И только его слово, его душа позволила нам это сделать. В каком-то смысле он продолжил и литературную традицию, которая в России была всегда очень сильной – традицию описания тюрем и тюремных нравов. Его бестселлер, который называется «Как выжить в советской тюрьме», пережил множество изданий – легальных и нелегальных, и стал основой для расшифровки и понимания тюремной субкультуры.

Он создал организацию, которая существует уже 25 лет и которая вложила большую работу в то, что мы видим сейчас.

Пока мы еще живы и работаем на этом поприще, наша задача – это то, о чем нас учил Валерий Федорович: сокращать тюремное население, улучшать условия содержания заключенных и говорить об этом везде, где это только возможно.

Лев Пономарев (*Движение «За права человека»*). Я начал заниматься правозащитной деятельностью в конце 90-х г. Я слышал о Валере, когда был депутатом,

занимался политикой. И он повлиял на меня как на правозащитника. Я фактически формировался как правозащитник под его влиянием.

Здесь все говорили – правозащитник. Для меня он в первую очередь гуманист. Он был гуманистом, и это на меня повлияло. Потому что я с некоторым политическим экстремизмом вошел в правозащитную деятельность, и он меня немножко охлаждал, и это было правильно. Наша организация много взяла из опыта Валериной организации.

Надежда Толоконникова. Я хотела сказать огромное спасибо, за то, что вы есть, нам есть, у кого перенимать опыт. Это одна из самых замечательных новостей для нас теперь. Что касается Валерия Абрамкина, я узнала о нем, когда сидела в тюрьме. И он, Владимир Буковский, Людмила Алексеева, многие другие для меня были моим ориентиром в тюрьме. Может быть, я не все делала там правильно, потому что меня никто не учил сидеть в тюрьме. Может быть, людей надо учить сидеть в тюрьме. Потому что сейчас такое странное время, когда можно просто так туда попасть. Хочу сказать спасибо всем тем, кто помогал находиться мне там. Без этих ориентиров жизнь там была практически невозможна. Потому что только одно унижение, дезориентация и полное перемешивание всех ценностей, с которыми ты туда приходишь. Тебя пытаются убедить, что все, что ты думал до этого – все это неправда. Тебя пытаются окружить людьми которые день за днем, час за часом будут доказывать тебе, что то, что ты считал верным на самом деле является ложью, заблуждением. Свобода, закон – эти слова являются запретными в лагерях, в зоне и человеку, который их произносит, мстят. Поэтому мне было важным хотя бы слушать и читать о тех людях, которые находили в себе силы противопоставлять тому ценностному кодексу, который им навязывается в лагерях внешне нечто внутреннее, что они принесли с собой, вынесли и укрепились в этом.

Мария Алехина. Мне кажется, что правозащитная деятельность в тюрьмах нужна как никогда. Потому что изнутри правозащитник кажется чуть ли не единственным спасением. Что касается женских тюрем, то чаще всего идут на встречу с правозащитником люди фактически отчаявшиеся. То есть они знают, что пойдут к правозащитникам и УДО им не видать. Они пойдут к правозащитникам и возможно их лишат возможности общаться с теми немногими друзьями, которые у них появились на протяжении нескольких лет. Возможно, этих друзей запрут в ШИЗО, возможно их самих запрут. Это не просто сказать слово там и выйти на площадь там намного сложнее, чем сделать это здесь.

Поэтому когда женщина в колонии решает обратиться к правозащитникам, тем более обратиться письменно, то всегда нужно помнить о том, что человек, принявший эту жалобу должен помнить об огромной ответственности, которая на нем теперь лежит. Это собственно та причина, по которой мы сейчас хотели бы посвятить себя полностью, чтобы заниматься этим. Чтобы каким-то образом изменить ситуация и прежде всего изменить ее в женских колониях, с которыми мы непосредственно взаимодействовали. Мне когда я сидела и в СИЗО и в колонии всегда было удивительно, что столько мемуаров осталось от

мужчин. Что классиками считаются Солженицын, Шаламов, Буковский, Абрамкин, но от женщин остается так мало. Тем меньше если речь идет о сопротивлении. Я читала только лишь воспоминания Ратушинской.

Это такая важная вещь – женские колонии. Они гораздо более закрытые, они построены таким образом, чтобы полностью лишить человека возможности организовать что-либо снизу. И это интересная тема для исследований. Мне очень хотелось бы, чтобы те люди, которые присутствуют здесь, если у них будет время и желание рассказать нам что-то о своем опыте, чтобы они это сделали. Мы все ждем встречи со всеми, кто хотел бы поделиться с нами своим опытом.

В. Абрамкин.

Домик на сваях (памяти Веры Матвеевой)

Закроем все окна и стёкла заклеем бумагой,
гуашь разведём, нарисуем на первом стекле
высокое солнце, косой горизонт за оврагом,
лохматое облако, речку и лес вдалеке.

Зелёным узором закроем второе окошко
(пусть ветви деревьев свисают до самой земли),
раздвинем траву – проведём голубую дорожку
до серой скамейки под кронами стареньких лип.

А в третьем окне будет озеро. Белым туманом
прикроем от холода тело дрожащей воды.
И в белом тумане едва различимым оставим
свет дома на сваях и след ошалевшей звезды.

Закончим работу, а после за чаем остывшим
распутаем связку давно позабытых дорог...
И даже не вздрогнем, когда за спиной услышим,
как грохнет по двери «железом обутый сапог».

Потом, ничего не оставив от нашей работы
(совсем не от водки, скорей от погрома пьяны),
они не увидят за окнами чёрной решётки,
они не увидят за окнами серой стены.

За нашими окнами будет весеннее солнце
и домик на сваях, в тумане, у самой воды.
За нашими окнами вспыхнет высокое солнце,
дорожка к скамейке и след ошалевшей звезды.

И сжав до предела свои побелевшие крылья,
мы бросимся вниз.

